

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ СИБИРСКОГО ПАЛЕОЛИТА

Осенью 1871 г. при строительстве военного госпиталя в Иркутске, на берегу р. Ушаковки, землекопы встретили кости и камни необычного вида. находка попала к члену Сибирского отдела Русского географического общества В. А. Бельцову, который показал их сотрудникам отдела И. Д. Черскому и А. Л. Чекановскому. Они осмотрели котлован строительства и заложили раскоп на берегу реки. Итогом их работы в последующие месяцы явилась интерпретация находок как первых на территории России следов древнекаменного века. Опубликованное И. Д. Черским¹ в 1872 г. сообщение об этом открытии было тем более неожиданным для науки о дописьменном периоде истории человека (с господствовавшим тогда мнением о довольно позднем заселении Сибири человеком), что в составе Иркутской коллекции, проанализированной Черским, находились вместе с каменными орудиями еще и художественные изделия

из бивня мамонта. Искусство людей ледниковой эпохи было известно тогда лишь по нескольким находкам в Западной Европе (Франция, Бельгия, Швейцария).

Необычность для уровня знаний того времени проблем, поднятых в статье Черского, несмотря на одобрительные отзывы А. С. Уварова² и других русских археологов, все же привела к типичному в условиях тогдашней России финалу: и самое открытие и публикация о нем постепенно были забыты. Зарубежные ученые, занятые проблемами древнейшей истории, не знали (и сейчас, как правило, не знают) об иркутской находке и ее значении; они обычно ссылаются лишь на открытия 20—30-х годов XX в., прежде всего в стоянках Мальта и Буреть на Ангаре, получивших мировую известность³.

Но последние полвека отмечены наиболее ощутимым сдвигом в изучении древних

¹ И. Д. Черский. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода. «Известия» Сибирского отдела Русского географического общества. Т. III. Иркутск. 1872, № 3.

² А. С. Уваров. Археология России. Т. I. М. 1881.

³ Например, A. Leroi-Gourhan. Pré-histoire de l'art Occidental. P. 1965; P. Ucko, A. Rosenfeld. L'art paléolithique. P. 1966.

культур Сибири палеолитической эпохи⁴. Именно в этот, уже советский, период исследования древнейшего прошлого Северной Азии усиливается интерес к первому открытию палеолита в России, к коллекции, собранной Чекановским и Черским и погибшей в 1879 г. во время пожара Иркутского музея. После критического разбора данных о возрасте и датировке этих находок высказывалось сомнение в их принадлежности к палеолиту; затем оно было отвергнуто как неосновательное⁵. Мнение о том, что эта коллекция «должна быть причислена к верхнему палеолиту и не к позднему его отделу, а к первой половине»⁶, окончательно утверждается среди специалистов⁷. Наконец, уточняется хронологическое положение

стоянки «Иркутский госпиталь» в ряду открытых позднее палеолитических стоянок Сибири: появившись позже мальтино-буретской культуры (имеющей абсолютную датировку около 24 тыс. лет), изделия из стоянки «Иркутский госпиталь» не имеют непосредственной генетической связи, преемственности с этой культурой; не исключено, что ими представлена волна переселенцев с запада, относящихся к солютрейскому времени⁸.

Деятельности первооткрывателей сибирского палеолита, значению их открытия для геологии, археологии и истории культуры посвящена теперь обширная литература, в которой особого внимания заслуживает первое монографическое исследование по истории изучения палеолита Северо-Восточной и Центральной Азии⁹. И если через 100 лет после этого открытия мы снова вспоминаем о нем, то прежде всего для того, чтобы лучше всего понять корни одного из примечательных событий прошлого. Глубина исследования, а затем интерпретация, которую дали своим находкам Чекановский и Черский, поражает тем более, что в России тогда еще не разрабатывалась методика поиска и изучения палеолита. Иркутские находки резко отличались от всех известных в то время европейским ученым палеолитических изделий. А статья о совместном открытии была первой научной публикацией Черского.

События, предшествовавшие открытию первого палеолитического памятника в Сибири, довольно полно освещены в историографии. В них можно выделить два важных момента. Первый — непосредственная связь личных судеб А. Л. Чекановского (1832—1876 гг.) и И. Д. Черского (1845—1892 гг.) с освободительным движением и передовой общественной мыслью России 60-х годов XIX века. Оба они попали в Сибирь как ссыльные за участие в польском восстании 1863 года. Их работа по изучению находок в котловане Иркутского госпиталя при всей ее кажущейся академиче-

⁴ «История Сибири». Т. 1. Л. 1968, стр. 48 и сл.

⁵ Б. Э. Петри. Сибирский палеолит. Иркутск. 1923. Сомнения Петри (см. там же, стр. 24—28) основывались на том, что элементы находок у Иркутского госпиталя — обточенные изделия из бивня мамонта, куски обожженной глины и каменные наконечники, которые у И. Д. Черского названы «стрелами», — не согласовывались со взглядами на палеолит в начале 20-х годов. Проверка затруднялась отсутствием самих изделий. Между тем уже в следующие 10 лет после выхода в свет работы Б. Э. Петри исследования стоянок в Сибири и Европе дали археологам столько новых сведений об эпохе палеолита, что его аргументация выглядела неосновательной и была отвергнута Г. П. Сосновским. Начиная с 1935 г., иркутские археологи И. В. Арембовский и Л. Н. Иваньев стали вести планомерные работы на р. Ушаковке, в непосредственной близости от раскопа Чекановского и Черского. Был найден слой, описанный Черским, проверен и подтвержден его геологический и археологический (палеолитический) возраст, а в слое найдены каменные и костяные орудия, соответствующие изделиям, описанным у Черского (И. В. Арембовский, Л. Н. Иваньев. Новое исследование Иркутской палеолитической стоянки. «Краткие сообщения» Института истории материальной культуры. Вып. 49. 1953, стр. 51—55; их же. Иван Деметьевич Черский как первый исследователь палеолита. «И. Д. Черский». Иркутск. 1956, стр. 55—60). Этот памятник древнекаменного века занял свое место среди других палеолитических местонахождений на территории СССР (Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. «Материалы и исследования по археологии». № 81. М.-Л. 1960, стр. 89—90).

⁶ Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки Северной Азии. «Труды» II Международной конференции АИЧПЕ (Ассоциация по исследованию четвертичного периода). Вып. 5. Л.-М.-Новосибирск. 1934.

⁷ И. В. Арембовский, Л. Н.

Иваньев. Указ. соч.; З. А. Абрамова. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.-Л. 1962.

⁸ А. П. Окладников. Сибирь в древнекаменном веке. «Древняя Сибирь». Улан-Удэ. 1964; его же. Утро искусства. Л. 1967.

⁹ В. Е. Ларичев. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. № 1. Новосибирск. 1969. Здесь же — исчерпывающая библиография по теме.

ской отрешенности проходила в русле передовых идей русской интеллигенции и утверждала материалистический взгляд на историю. Второй момент — различия личностей Чекановского и Черского, проистекавшие из разницы в возрасте (Чекановский был 13 годами старше), воспитании, чертах характера и интересах. Чекановский в отличие от Черского был уже тогда сложившимся естествоиспытателем, автором оригинальных работ по геологии и палеонтологии Прибалтики и Украины. Этому различию в личностях Чекановского и Черского обычно не придается значения в историографии. Между тем в нем заключены возможности более глубокого понимания обстоятельств открытия.

Обратимся к одному из поворотных моментов в судьбе Черского — к его знакомству с Чекановским на этапе следования в ссылку между Тобольском и Омском. В историографии хорошо показано значение этого эпизода в становлении Черского как исследователя: у юноши пробуждается интерес к науке благодаря встрече с Чекановским. Можно констатировать этот факт лишь как переориентацию интересов Черского: вместо светских и в какой-то мере гуманитарных занятий в Вильно — «не аристократические», в чем-то чуждые ему ранее естественнаучные занятия в Сибири. Но можно не ограничиваться установлением этого факта и попытаться проникнуть в психологический его «подтекст». Польскому зоологу Б. Дыбовскому, близкому другу и сотруднику Чекановского и Черского, принадлежат подробные воспоминания о каждом из них. Дыбовский подчеркивал, что Чекановский «обладал очень живым темпераментом; с детства он был закален для долгих и далеких походов, привык к наблюдениям, имел феноменальную память и редкий дар ориентироваться на местности»¹⁰. Дыбовский отмечает, что тяготы пешего пути по этапу в сибирскую ссылку Чекановский переносил легче своих спутников и по этапу до Тобольска успел собрать богатую коллекцию насекомых.

Иным предстает в воспоминаниях Дыбовского, относящихся к этому периоду, Черский. Сын зажиточного помещика Витебской губернии, он сначала получил чисто аристократическое, салонное воспитание (французский язык, музыка, живопись, танцы и т. п.), причем «родной язык и история

были в пренебрежении»; «как рассказывал сам Черский, воспитание было более подходящим для девочки»¹¹. Правительственный институт в Вильно, называвшийся Шляхетским (Благородный институт), куда Черский был отдан для продолжения образования, не вызывал у него желания углубленно заниматься какой-либо из преподаваемых там дисциплин¹². К естественным наукам здесь было особое пренебрежение: занятия ими считались недостойными аристократа. Осужденный на ссылку в амурские батальоны в Благовещенск, Черский сносил свое новое положение особенно тяжело. В прошлом у него не было, по существу, ничего, на что можно было бы опереться, чтобы противостоять тяготам жизни ссылке. Впечатлительность, легкая ранимость, «исключительная чувствительность, которая была основой его моральной сущности»¹³, особо подчеркнуты Дыбовским. Путь в ссылку травмировал 19-летнего юношу сильнее, чем других его спутников. О его отчаянии говорит и такой эпизод. Оставаясь без средств к существованию (имения повстанцев были конфискованы), Черский последними деньгами откупился от дальнейшего пешего похода и был оставлен в Омске солдатом в крепости¹⁴. Как быть дальше? Нагляднейший ответ на этот вопрос давало ему поведение Чекановского, который с большой уверенностью и оптимизмом смотрел на будущее, видимо, еще и потому, что, как сложившийся естествоиспытатель, радовался столь неожиданной возможности исследовать неизученные пространства Евразии, особенно Северной Азии.

Познакомившись с Чекановским, Черский стал интересоваться его научными занятиями, постигая в образе жизни и установках ученого нечто крайне важное для себя: средство психологической «защиты» личности от неблагоприятной среды. Предметное содержание работы естествоиспытателя оставалось пока для него на втором плане. Это обстоятельство не отмечают историографы, но без него мы теряем ключ к пониманию мотивов последующих устремлений Черского. Оставленный в Омске «штрафной рекрут» намечает программу самообразования. Она касается не только зоологии или минералов (что было бы есте-

¹¹ Б. Дыбовский. Ян Черский. «И. Д. Черский», стр. 327.

¹² Там же, стр. 328.

¹³ Там же, стр. 334.

¹⁴ Там же, стр. 328.

ственным в том случае, если бы Черский заинтересовался прежде всего предметным содержанием работы Чекановского), но широчайшего круга знаний — от астрономии до антропологии. То, что выбор пал именно на естественные науки, объясняется прежде всего сочетанием внешних стимулов: пример Чекановского; тот факт, отмеченный Дыбовским, что в Омске легче было достать пособия именно по естественным наукам, отчего большинство ссыльных занималось именно ими; геологические условия окрестностей Омска, где можно было во время прогулок собирать окаменелости; заботы выдающегося русского путешественника Г. Н. Потанина, библиофила В. И. Квятковского и инженера Марчевского о ссыльных русских и поляках в Омске и их внимание к первым коллекциям Черского. Нужно отметить еще один, особенно важный фактор, который как бы «растворялся» в культурной жизни России 1860-х годов и потому не акцентировался в воспоминаниях Черского и его современников. Этот период увлечения молодежи естественными науками, тяга к проверке опытом всякого знания о природе и человеке имели определенный социальный и политический смысл, так или иначе ассоциируясь с «неблагонадежностью», «нигилизмом» и более активными действиями против самодержавия, за изменение общественного строя в России. Достаточно вспомнить демократическую публицистику тех лет, статьи Н. Г. Чернышевского в «Современнике», Д. И. Писарева в «Русском слове», взгляды Базарова в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети».

Воздействия такого рода в самом начале формирования Черского как будущего исследователя Сибири вели к определенному — материалистическому — пониманию им истории народов и человечества в целом. В то самое время, когда в Западной Европе Дж. Лёббок и другие известные антропологи увлекались описаниями всего того, что отличает «примитивные» племена от «культурных» народов (в списке различий рядом стояли цвет кожи, строение лица, орудия труда, орнаменты и т. д.)¹⁵, и когда порою терялась перспектива включения «доисторических» племен в общую историю человечества, в России Чернышевский писал, что «в работе якутского семейства над изготовлением одежды лежат уже зародыш Манчестера, в якутской землянке зародыш

Лондона»¹⁶. Потанин начинал знакомить специалистов с богатствами художественного творчества кочевников Центральной Азии, не уступающими по своему уровню и в чем-то сходными по содержанию с фольклором народов Европы, а Н. Н. Миклухо-Маклай готовился к исследованиям в Океании. Личное знакомство с Г. Н. Потаниным, А. Ф. Миддендорфом, позднее с Н. М. Пржевальским и другими выдающимися деятелями русской науки определенным образом формировало взгляды Черского как исследователя. Менялись и некоторые индивидуальные свойства его личности на протяжении трудного шестилетнего периода омской ссылки. В свободное от службы время он учил читать и писать своих сослуживцев — «представителей разных сибирских племен»¹⁷, давал частные уроки, чтобы иметь средства на продолжение собственного образования, и снискал славу искусного педагога потому, что «умел передавать ученикам увлечение и преданность науке»¹⁸.

Предельное напряжение сил привело к заболеванию, вследствие которого Черский был освобожден от военной службы после многомесячных проверок, во время которых «пережил много внутренних мучений и тревог». «Научных занятий он, однако, по мере возможности не оставлял и в них одним находил единственное утешение», — писал Н. М. Ядринцев, близкий друг Черского в этот период¹⁹. Следует сказать и о других качествах Черского, например, «особом даре располагать к себе» местных жителей: Дыбовский отмечает: «Особенно его любили сибирские крестьяне и буряты»²⁰. К 1871 г. Черский оказывается в конфликтной ситуации. Убеденный дарвинист, самостоятельно изучивший университетский курс, он жаждет получить «нормальное» образование, но ему запрещается поступление в университет. Он делает открытия, касающиеся геологических условий образования Западно-Сибирской низменности, а его сообщения не публикуют из-за «неблагонадежности» автора. Он жаждет изучать прошлое Сибири, но в купеческом Омске у

¹⁵ Н. Г. Чернышевский. Антропологический принцип в философии. Полное собрание сочинений. Т. 7. М. 1950, стр. 274.

¹⁷ Б. Дыбовский. Ян Черский, стр. 330.

¹⁸ Там же, стр. 328.

¹⁹ Н. Ядринцев. Памяти И. Д. Черского. «И. Д. Черский», стр. 351.

²⁰ Б. Дыбовский. Ян Черский, стр. 331.

¹⁵ См., например, J. Lubbock. L'Homme avant l'histoire. P. 1867.

него нет учителей, условий, средств. При чем, надо подчеркнуть, им движет нечто большее, чем интерес специалиста к истории данного района планеты. Для Черского в этом занятии — уже весь смысл жизни, но он не чувствует себя специалистом, ибо не считает свое самообразование глубоким. Горькое ощущение «неполноценности» своих научных знаний надолго сохранится у Черского. В 1875 г., уже будучи автором около 20 научных работ, он напишет Потанину: «Разумеется, что мои омские казармы, в которых я прослужил 6 лет, не могли мне дать столь многосторонних сведений, которые приобретаются в невиданных мною университетских стенах...»²¹. Эта горечь увеличивала огромное желание «доучиться» и вести самостоятельные исследования в почти не изученной Сибири. Однако этот «заряд» долгое время не получал возможностей для реализации в Омске; он реализуется лишь в Иркутске, куда для Черского был выхлопотан перевод почти за месяц до первых находок на Ушаковке.

Иркутск в то время — ведущий научный центр Сибири. Здесь вокруг Сибирского отдела Русского географического общества собираются лучшие научные силы азиатской части России, работают сильные разные национальностей. Руководитель Сибирского отдела А. Ф. Усольцев и его коллеги радушно приняли Черского, как до того принимали других ссыльных, занимавшихся наукой, в том числе и Чекановского. Чекановский стал к этому времени лучшим знатоком геологии Иркутской губернии, и Черский был рад возможности «доучиваться» у своего учителя и старшего друга. Чекановский с готовностью отдает ему для кропотливых замеров и анализов свои находки: освобождаясь от такой черновой работы, опытный геолог мог сосредоточиться на теоретических вопросах более высокого уровня.

По заключению Чекановского, слой с находками в котловане Иркутского госпиталя (лёссовидный суглинок, залегающий на юрском песчанике) надлежало отнести к плейстоцену. Следовательно, в археологическом отношении изделия человеческих рук в этом слое принадлежат древнему каменному веку. Эту версию датирования каменных и костяных предметов с берега Ушаковки Чекановский предельно кратко привел в отчете за 1871 год²².

²¹ «И. Д. Черский», стр. 117.

²² Краткий отчет о результатах исследований в лето 1871 г. А. Чекановского. «Изве-

Однако слишком много обстоятельств мешало принять коллекцию, собранную на Ушаковке, за первую в России палеолитическую коллекцию. Подобных находок не было тогда и в европейской части России (до 1873 г.), Сибирь же считалась заселенной человеком гораздо позже. Еще два момента в иркутских находках противоречили имевшимся в те годы представлениям о палеолите: фрагменты изделий из обожженной глины (ибо керамический обжиг считался достижением неолита) и художественные изделия из бивня мамонта («словно выточенные на токарном станке», по словам Черского), шары и цилиндры, украшенные группами параллельных кольцевых нарезок. Первые находки палеолитического искусства в Южной Франции, о которых никто не знал в Иркутске, имели совсем иной вид: резные фигурки зверей и простые зарубки на костях²³. Археологически датировка палеолитом была неприемлемой. Поэтому историки правы, когда единодушно связывают факт открытия палеолита не с моментом извлечения из котлована первых находок и не с появлением нескольких строк о них в отчете Чекановского, а с подробным рассмотрением и доказательством этого факта Черским, опубликовавшим в 1872 г. результаты своей работы.

Задача, к которой приступил Черский, была чрезвычайно сложной, первой в своем роде, почти безнадежной. За нее не взялся никто из сотрудников Сибирского отдела. Чекановский в то время закончил работы в Иркутской губернии и готовил экспедицию на север (Лена, Оленек, Нижняя Тунгуска). В ходе обмена мнениями в отделе (обстановку этих дискуссий хорошо воссоздает В. Е. Ларичев²⁴) были взвешены все «за» и «против» датировки палеолитом, и чаша весов склонилась в сторону «против». Иного мнения был Черский. Впервые за много лет он не заботился о заработках и имел возможность думать только о науке, впервые мог получать компетентные консультации, свободно обсуждать и публиковать результаты своей работы. На службе он трудится за троих в буквальном смысле: в должностях хранителя музея, библиотекаря и пи-

стия» Сибирского отдела Русского географического общества. Т. II. 1871, № 5.

²³ E. Lartet. Nouvelles recherches sur la coexistence d'homme et des grands mammifères fossiles. «Annales des sciences naturelles». 4e ser.: Zoologie. T. XV. P. 1861.

²⁴ В. Е. Ларичев. Охотники за мамонтами. Новосибирск. 1968.

саря. Нечто подобное происходит с его работой над находками с Ушаковки, изучению которых он отдает все свободное время. Черский анализирует их «многослойно»: не только как геолог и палеонтолог (вместе с Чекановским, а затем дополняя и углубляя их совместные наблюдения), но и с новых для отдела точек зрения: как археолог, этнограф и искусствовед. Черский лучше других был готов применить к древнейшему памятнику истории комплексную точку зрения, сочетающую категории наук о «духе» с категориями наук о природе, хотя и далеко был от жарких и непримиримых споров на этот счет между «материалистами» и «гуманитариями» в Петербурге и Москве²⁵.

Работа Черского новаторская. Он впервые применяет эксперимент в изучении образцов палеолитического искусства: каменными резцами, подобными найденным в котловане, он сам вырезает из бивня мамонта украшения с орнаментом и убеждает скептиков, что возможности таких «грубых» на первый взгляд орудий необычайно велики, что ими действительно можно было создавать прекрасные художественные произведения, что искусство могло возникнуть уже в древнем каменном веке. Он снова обращается к богатейшим знаниям Чекановского и с его помощью проводит параллели между иркутскими находками и искусством малых народностей Сибири, недалеко ушедших тогда от каменного века. Новым для того времени сравнительно-этнографическим методом устанавливается назначение палеолитических каменных острей и костяных украшений. Он интуитивно нащупывает разгадку появления фрагментов обожженной глины в палеолитическом слое: люди, обрабатывавшие камень, вполне могли освоить пластические свойства глины и пользоваться огнем для ее обжига. Эта идея Черского подтвердится спустя полвека, когда в палеолитическом стойбище Дольни Вестоницы в Моравии чешские археологи раскопают очаг, специально приспособленный для обжига глиняных фигурок: целиком (или в обломках) обожженные фигурки лежали вокруг «печки»²⁶.

Подобным образом Черский снял существенные возражения против палеолитического возраста стоянки «Иркутский госпиталь». В его статье открытие палеолита в

Иркутске предстает как факт. В письме Черского к Чекановскому, датированном октябрем—ноябром 1872 г.²⁷, ученик пишет учителю: «Посылаю Вам геологическую карту и вышедший на днях номер Известий (как подписчику)... Некоторые данные о богатстве ископаемыми глинами на правом берегу Ушаковки, приобретенные уже после бытности Вашей в Иркутске, Вы найдете в моей записке, напечатанной в посылаемом номере Известий. Я не могу не похвастаться перед Вами приобретениями последних времен, принесших мне много приятного. Во-первых: 6-го сентября я написал «Recherches sur les ossements fossiles» Cuvier'a на свои собственные деньги. Это самое лучшее из того, что я успел сделать в Иркутске...». Можно удивляться, что статью об открытии, которую он посылает Чекановскому в «Известиях», Черский считает гораздо менее важным для себя событием, чем приобретение книги Кювье (тем паче, что Кювье был противником идеи об ископаемом человеке — современнике мамонта!). Но это факт. Такие ученые, как Дарвин и Кювье, были для него «божествами»; ошибки авторов любого ранга он не осуждал, говоря: «Понять — все простить», — вспоминает Дыбовский²⁸. Своя же собственная работа представлялась Черскому незначительной в сравнении с теми возможностями науки, которые он открывал в трудах своих кумиров, и необъятным полем для реализации этих возможностей в Сибири.

Открытие палеолита в Иркутске было коллективным творческим актом. Ни Чекановский, ни Черский не могли бы довести его до конца поодиночке, но сделали это, взаимодействуя, дополняя возможности друг друга, действуя как простейшая «малая группа» в науке. Успех их коллективной работы был подготовлен не только идейной, но и благоприятной психологической атмосферой, созданной в Сибирском отделе Географического общества. Новаторство Черского в изучении древнейшей эпохи человечества отражало общую направленность передовой научной и общественной мысли России к материалистическому пониманию истории. Используя достижения и методы естественных наук в изучении древнейшего прошлого человечества, Черский тонко оценивал специфику духовной жизни людей первобытного общества и неприм-

²⁵ А. А. Формозов. Очерки по истории русской археологии. М. 1961.

²⁶ B. Křím a. Dolní Věstonice. Praha. 1963.

²⁷ «И. Д. Черский», стр. 122.

²⁸ См. Б. Дыбовский. Ян Черский, стр. 335.

лемость для ее реконструкции прямолинейных эволюционистских схем. В искусстве палеолита он увидел нечто общее, объединяющее художника древнекаменного века, исследователя-европейца, подражающего ему в эксперименте, и тунгуса, носящего костяные украшения, подобные палеолитическим. Физическое, психологическое и

культурное равенство людей разных рас, из которого исходил Черский в интерпретации палеолитических находок в Иркутске, закономерно оказывается созвучным лучшим традициям передовой русской науки, определившим затем главное русло исследований палеолита в России.

Б. А. Фролов